

3 (16) июля

Священномученик
Антоний (Быстров),
архиепископ Архангельский

Священномученик Антоний родился 11 октября 1858 года в Ньюбском погосте Сольвычегодского уезда Вологодской губернии¹ в семье священника Николаевской церкви Михаила Ивановича Быстрова и его супруги Марии и в крещении был наречен Николаем. Его благочестивые родители имели обычай принимать странников, путешествующих по монастырям. Один из таких странников, рассказывая родителям о жизни монахов, в конце беседы внимательно посмотрел на мальчика и сказал: «Он будет у вас архиереем». Те не придали значения его словам, но мальчику они глубоко запали в душу. И с этого времени Николай стал думать о монашестве, а когда поступил в семинарию, то еще более утвердился в этих мыслях; изучая историю Церкви, он выбрал себе и будущее монашеское имя – в честь преподобного Антония Великого.

В 1879 году Николай окончил Вологодскую духовную семинарию и 11 сентября того же года был назначен псаломщиком в Сретенскую и Предтеченскую церкви города Вологды. Он не оставил мысли о принятии иночества, но родители хотели видеть его женатым священником, и, послушный родительской воле, он женился на девице Софии, дочери священника Иоанна Гиммельбродского, служившего в Степуриной Христорождественской церкви в Грязовецком уезде². Отец Иоанн прослужил в священном сане более пятидесяти лет и 16 января 1882 года был уволен по старости за штат, а на его место был определен Николай Быстров. 12 февраля Николай был рукоположен во диакона, а 21 февраля – во священника и назначен законоучителем Степуриной земской школы. В этом же году у них с супругой родилась дочь Мария, а через год супруга скончалась, и мысли священника снова вернулись к тому, о чем свидетельствовал через странника Промысл Божий. Впоследствии заботу о воспитании девочки взяла на себя ее тетя. В 1900 году Мария окончила Вологодскую гимназию, в 1904 году вышла замуж, а когда в 1920 году муж скончался, переехала жить к отцу.

Отец Николай с первого же года своего священнического служения показал себя энергичным и ревностным пастырем и усердным тружеником на поприще народного просвещения. 25 ноября 1883 года духовенство избрало его депутатом на училищные съезды, которым он и состоял в течение двух лет. Он был покровителем учащихся и щедрым жертвователем на нужды бедных воспитанников семинарии.

23 октября 1884 года отец Николай был назначен исполняющим должность благочинного, 22 апреля 1885 года он был утвержден в этой должности. Сначала в храме, где он служил, а вскоре по его примеру и в других храмах благочиния стали проводиться внебогослужебные беседы, дело по тому времени довольно новое. Отец Николай писал о беседах, что они посещаются «с большою охотою и народ для этого собирается в значительном количестве даже в летнее рабочее время».

7 февраля 1888 года в Заоникиевской Богородице-Владимирской мужской пустыни отец Николай был пострижен в монашество с именем Антоний и 18 февраля того же года назначен управляющим Кадниковским Григориево-

Пельшемским Лопотовым монастырем. 24 ноября 1889 года «ввиду безупречности иноческой жизни и распорядительности» в деле управления монастырем он был утвержден в должности настоятеля.

19 декабря 1890 года иеромонах Антоний был назначен управляющим Корнилиево-Комельским монастырем, а 12 октября 1891 года – настоятелем монастыря; 22 октября он был возведен в сан игумена. Все это время он оставался деятельным участником Миссионерского общества и Попечительства о бедных студентах Вологодской духовной семинарии, на нужды последнего он жертвовал тогда едва ли не больше всех других жертвователей.

21 января 1893 года игумен Антоний был назначен директором Грязовецкого тюремного комитета и попечителем Ельниковского Борисо-Глебского земского училища, 18 сентября 1896 года – членом Грязовецкого отделения Вологодского епархиального училищного совета; в 1897 году он был награжден наперсным крестом.

Летом 1897 года братия Корнилиево-Комельского монастыря отмечала 400-летие основания обители. Всенощное бдение возглавил игумен Антоний. Утром 10 июня в монастырь прибыли крестные ходы из Павло-Обнорского монастыря и соседних приходов. Литургию совершал епископ Вологодский Алексей (Соболев) в сослужении сонма прибывших на торжества священнослужителей. Богослужение закончилось около двух часов дня, после чего епископ в сопровождении игумена Антония и вологодского губернатора направился к расставленным под открытым небом столам для бедных и нищих, за которыми расположилось 570 человек – живое напоминание о днях преподобного Корнилия, который проявлял особую заботу о людях бедных и неимущих.

«При взгляде на это трапезование во имя святого угодника, – пишет один из участников событий, – забывалась четырехвековая грань времени и восставала в сознании священная простота и доброта древности <...>. Во исполнение заповеди блаженного основателя обители, кроме трапезы, бедным была роздана от монастыря посильная денежная милостыня, а также отправлено материальное подаяние находящимся в грязовецкой земской больнице и тюремном замке. В память 400-летия обители принято на полное содержание монастыря до пяти лиц мужского пола из заштатного и сиротствующего бедного духовенства и розданы во множестве народу жития угодника и „Троицкие листки“».

В ознаменование юбилея городская Дума Грязовца постановила не открывать торговые помещения в дни памяти преподобного Корнилия – 19 мая и 10 июня, а на стене торговых рядов, планируемых быть построенными в ближайшее время, поместить икону преподобного.

20 февраля 1904 года было удовлетворено прошение об освобождении по состоянию здоровья от должности настоятеля Вологодского Свято-Духова монастыря, благочинного монастырей вологодских, грязовецких и тотемских архимандрита Алексия; исполняющим обязанности настоятеля был назначен игумен Антоний. 14 мая 1906 года он был возведен в сан архимандрита. 30 марта 1907 года настоятель Свято-Духова монастыря архимандрит Алексей согласно своему прошению был уволен за штат, и на его место назначен архимандрит Антоний. Придавая большое значение полученным в духовных учебных заведениях знаниям, он стал оказывать еще большую помощь бедным воспитанникам Вологодской духовной семинарии и Вологодского женского епархиального училища.

Во время революции и беспорядков 1905 года архимандрит Антоний

активно разъяснял обществу существо происходивших событий и в 1908 году «за особо ревностные труды по умиротворению населения и упрочению законного порядка» был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

С 1907 года избранный членом Государственного Совета епископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) стал все чаще выезжать из Вологды в Санкт-Петербург на заседания Совета, и возникла насущная необходимость в еще одном викарном епископе. 17 декабря 1909 года было учреждено Вельское викариатство с назначением на него архимандрита Антония; жить он должен был в Вологде, оставаясь настоятелем Свято-Духова монастыря. Готовясь к хиротонии во епископа и вглядываясь в пройденный путь, архимандрит Антоний охарактеризовал его как путь в основном весьма скорбный и тесный.

15 января 1910 года в Санкт-Петербурге в зале заседаний Святейшего Синода в присутствии обер-прокурора и членов Синода состоялось наречение архимандрита Антония во епископа Вельского, второго викария Вологодской епархии, а через день, 17 января, – хиротония во епископа.

Современники в свое время отмечали большие заслуги епископа Антония в приведении в порядок Свято-Духова монастыря. Храмы обители при нем были украшены снаружи и внутри; благоговейный молитвенник и знаток церковного Устава, владыка истово служил и явился опытным руководителем монашества. Приходя в обитель, богомольцы невольно утешались молитвенным настроением иноков-священнослужителей, стройным пением с канонархом и тем общим образцовым порядком, который был виден во всем укладе монастырской жизни.

Став епископом, владыка Антоний остался таким же щедрым благотворителем как на нужды учащихся, так теперь и на приобретение новых священнических облачений для бедных приходов, которые не могли сами их приобрести по скудости средств. В 1911 году епископ Антоний пожертвовал Корнилиево-Комельскому монастырю серебряную раку для установления ее над находящимися под спудом мощами преподобного Корнилия Комельского.

В 1911 году тяжело заболел епископ Вологодский Никон, и Святейший Синод возложил исполнение обязанностей по управлению Вологодской епархией на владыку Антония. В 1912 году епископ Никон был уволен от управления Вологодской епархией, и на его место был назначен епископ Александр (Трапицын)^а, прибывший в Вологду 12 июля. Во время исполнения обязанностей по управлению епархией епископу Антонию приходилось часто служить и как администратору участвовать во многих официальных мероприятиях, что привело к расстройству его физического здоровья, и теперь, когда во главе епархии был правящий архиерей, он уехал на два месяца в отпуск.

В поздравительном письме к 50-летию священнической службы протоиерея вологодского кафедрального собора, извиняясь, что не поздравил юбиляра лично, епископ Антоний писал: «Нынешнее лето, с праздниками, юбилеями, высокими гостями, изломало меня, и я расплачиваюсь за все это в настоящее время всякого рода болезнями».

В 1913 году епископом Антонием был освящен новый Преображенский собор в городе Вельске, что стало знаменательным событием для всех его жителей. Старый собор, построенный в 1742 году, давно не удовлетворял нуждам города, так как был малопоместителен, низок, в нем было недостаточно света и

---

^а Священномученик Александр (в миру Александр Иванович Трапицын), архиепископ Самарский; память 1/14 января.

он плохо проветривался; однако средств, чтобы построить новый собор, не хватало, и потому его строительство затянулось надолго. Он был заложен еще в 1898 году, но в 1901, 1908 и 1909 годах строительство полностью останавливалось из-за отсутствия средств, хотя многие прихожане жертвовали на постройку небольшими суммами и безвозмездно участвовали в строительстве лично, копая рвы под фундамент и поднося камень.

«Если открытие новых учебных заведений признается праздником науки, если построение заводов, фабрик, учреждение больниц и санаториев для страдающего человечества справедливо считается торжеством промышленности, благотворительности и есть общий их праздник, – писал очевидец событий, – то не с большей ли справедливостью можно назвать построение нового храма и его освящение общим праздником людей верующих. Такое именно духовное торжество пережили прихожане города Вельска и его окрестностей и соседних селений <...>, когда был освящен новоустроенный соборный храм и его приделы. Торжественность этого праздника усугублялась еще тем, что в нем принимали участие три епископа – явление редкое не только для такого малого, далеко отстоящего от железной дороги уездного городка, как Вельск, но и для многих губернских городов».

Возглавлял богослужение епископ Антоний, для которого в этом освящении сбылась и давняя его мечта – совершить богослужение в Вельске: в то время было не принято, чтобы викарии служили в главном городе викариатства, название которого было в их титуле, и на деле получалось, что они и посещали его очень редко.

«Утро 1 июня встретило в городе Вельске умиленную, трудно забываемую картину, – писал очевидец. – Площадь перед храмами и особенно обширный церковный погост были усеяны пришедшими паломниками, расположившимися в живописных группах по его зеленой луговине. У всех на лицах можно было читать одно желание помолиться, отрешиться хотя на несколько минут от жизни трудовой, тяжелой. Здесь чувствовалась как бы осязательно горячая вера, чувствовалась та близость, родство духовное, какие и должны существовать между чадами Церкви Христовой <...>.

Особенно памятна та минута, когда началось обошение святых мощей вокруг храма: многие из участвовавших в крестном ходе богомольцев, увидев архиерея, поднявшего и на своей голове понесшего святые мощи при торжественном пении священных песен церковных, упали со слезами на колени, осеняя себя крестным знаменем. Это поистине была минута незабвенная, величественная, святая».

Молитвой, усердной благотворительностью, попечением о раненых в госпиталях ответил епископ Антоний на события Первой мировой войны, закончившиеся для России революцией и гонениями на Русскую Православную Церковь.

В феврале 1922 года Патриарх Тихон^а назначил епископа Антония на Архангельскую кафедру, где для него вскоре начались нелегкие испытания. Архангельский отдел ГПУ завербовал в качестве секретных осведомителей двух священников, которые стали давать сведения об отношении епископа Антония и местного духовенства к созданной властями «Живой церкви».

5 апреля 1922 года один из сотрудников этого отдела пришел на квартиру

---

^а Святитель Тихон (в миру Василий Иванович Белавин), исповедник, Патриарх Московский и всея России; память 9/22 февраля, 25 марта / 7 апреля, 26 сентября / 9 октября, 5/18 ноября.

епископа. Войдя в прихожую, он столкнулся с келейником, который не пропустил его в комнату, где был епископ, а прошел в нее сам, после чего оттуда вышли священник и три крестьянина, которые стали внимательно наблюдать за действиями непрошеного гостя. Сотрудник ГПУ прошел на кухню, но здесь на него налетела кухарка и стала ему выговаривать, что его неизвестно кто носит. «Спокою людям не даете», – строго заключила она. Живший в квартире епископа священник, улыбнувшись на слова кухарки, потребовал от пришедшего показать документы; растерявшийся сотрудник ГПУ показал удостоверение и удалился.

19 мая власти в Москве арестовали Патриарха Тихона и приступили к осуществлению мероприятий по расколу Церкви через созданное ГПУ обновленческое ВЦУ. Патриарх временно передал свои полномочия митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому)^а. Но митрополит Агафангел не склонен был поддерживать обновленцев, и ГПУ распорядилось заключить его под домашний арест, никуда не выпуская из Ярославля, и он вынужден был обратиться к Русской Церкви с посланием, благословляя епископов при создавшейся ситуации управляться в своих епархиях самостоятельно в пределах, определенных церковными канонами.

Летом 1922 года в Архангельск прибыл сосланный сюда епископ Верецкий, vicарий Московской епархии Иларион (Троицкий), с которым у епископа Антония завязались теплые дружеские отношения; духовные дочери епископа Антония Ольга и Елизавета Поваровы начали помогать владыке Илариону, что стало для него особенно существенно, когда он оказался на Соловках.

14 июля 1922 года епископ Антоний созвал на своей квартире совещание архангелогородского духовенства для обсуждения вопроса, связанного с посланием митрополита Агафангела. Зачитав послание, епископ Антоний спросил мнения присутствовавших, но все промолчали. Владыка на это заметил, что вызвал их не для молчания, а для откровенной беседы. Тогда один из священников предложил, чтобы духовенство зачитало послание митрополита Агафангела в храмах, таким образом ознакомив с ним верующих. Епископ Антоний спросил об этом мнения остальных священников, но все опять промолчали. Видя их малодушную нерешительность, епископ принял решение – ознакомить с посланием митрополита Агафангела духовенство епархии, чтобы оно само затем знакомило с ним верующих частным порядком. Относительно обновленцев собрание приняло решение: никаких активных действий против них пока не предпринимать.

«В дальнейшем дело будет поставлено на обсуждение по коллективам, – писал об этом совещании в своем донесении ГПУ присутствовавший на нем агент по кличке 999-й, – и с этими постановлениями будет созвано новое собрание для обсуждения этого вопроса. Широкая публика относится пока инертно к новому движению^б ввиду его неизвестности и неопределенности. Мое личное мнение – не худо бы сделать <...> доклад с целью выяснить перед широкой публикой цель и средства в этом движении с допущением „свободного“ обмена мнений по этому вопросу с присутствием Антония и остального духовенства».

Епископ Антоний держался во время публичных собраний с крайней осторожностью, но не скрывал своей церковной позиции от священников, беседуя с ними лично, и у сотрудников ГПУ сформировалось вполне

---

^а Священноисповедник Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский); память 3/16 октября, 30 октября / 12 ноября.

^б Обновленческому.

определенное мнение, что навряд ли возможно втянуть епископа в создаваемое ими обновленческое движение ввиду крайне отрицательного его отношения к обновленцам. Попытка создать какую-либо авторитетную обновленческую группу в Архангельске, опираясь на местные силы, таким образом, не увенчалась успехом, здесь нашлось только два-три кандидата, готовых к официальному ее оформлению. Но и они не могли действовать до тех пор, пока епископ Антоний находился на кафедре, так как при попытке создания раскола немедленно были бы им запрещены в священнослужении. Поэтому, по мнению властей, было необходимо прислать делегатов от ВЦУ из Москвы для их встречи с епископом. В зависимости от результатов встречи епископ Антоний будет или оставлен на свободе, или арестован.

Приняв этот план к действию, начальник секретной части при Архангельском ГПУ распорядился собрать сведения о епископе Антонии для последующего его ареста.

10 августа 1922 года епископ Антоний обратился к духовенству епархии, призывая усилить проповедническую деятельность. 23 августа на квартире епископа Антония состоялось собрание архангелогородского духовенства, чтобы выработать отношение к обновленцам. Только два священника заявили, что признают обновленцев. Епископ стал им решительно возражать, приводя каноны и доказывая незаконность действий обновленцев. Собрание, однако, не приняло определенного решения. Присутствовавший на собрании осведомитель сделал из происходящего на нем соответствующий вывод и сообщил в ГПУ, что епископ Антоний имеет каналы связи с Москвой, так как хорошо осведомлен о происходящем в церковной жизни в столице.

В связи с этим сообщением начальник 1-го секретного отделения секретно-оперативной части 25 августа распорядился: «за Антонием установить наблюдение, постараться через агентуру выкрасть всю переписку и вообще повести разработку усиленным темпом».

Епископ Антоний действительно следил за церковными событиями, в особенности связанными с Вологдой, где прошла большая часть его жизни. В марте 1921 года на Вологодскую кафедру был назначен епископ Александр (Надеждин)³, который, когда ГПУ активно принялось создавать обновленческое движение, стал проявлять признаки малодушия.

Сообщала о церковных событиях в Вологде дочь епископа Антония, Мария, и из ее писем и его собственных наблюдений, основанных на других источниках, составилось нечто подобное летописи: «Преосвященный [Александр] взял двухмесячный отпуск от [митрополита] Агафангела. Он сказал, что надо жить в мире с прогрессистами, так как не хочется ехать в Мезень^а. Народ говорит: лучше закроем церкви, чем иметь ставленников прогрессистов. <...> Епископу предложили доклад, что все прогрессисты входят в епархиальный совет, епископ доволен, что у него будет вспомогательный орган, но желает, чтобы в совете было и другое духовенство. <... >

Епархиальное управление будто бы утвердили ГПУ, Губисполком и в Москве. Преосвященный избрал этот путь, чтобы не было чего хуже. Преосвященный после собрания духовенства <...> ушел в ЧК, о чем говорил, неизвестно. <...>

Благочинный не признает новое церковное управление и отказался от

---

^а То есть в ссылке.

благочиния. Призывали иереев в управление и просили „по-товарищески“ признавать их, на что те отвечали отказом, а также что и общины не признают их, спрашивали – думают ли выписать <...> [епископа Антония] и получили ответ – думают. Священник С.В.^а говорит, что своего епископа мы обеспечим. <...> („Ужели ты, папочка, присоединишься к ним, так недолго жить и ломать себя, прокормимся потихоньку, добрые люди не оставят. Не унижай себя“, – писала ему дочь Мария). <... >

Были собрания <...>, есть интересное <...>. Говорил Смирнов^б, причем сказали, что для скорейшего проведения программы пришлось войти в сношения с советской властью. Старое духовенство – это старые контрреволюционеры. Поднялся шум, ругань, крики, кричали: куда девали Тихона, где Караулов^с <...>, довольно мы всех слушали. Могли его стащить и поколотить, но выступил епископ Александр, застучал жезлом, сказал, что он хозяин, не позволит безобразничать, что это недостойно христианина, что нужно, говорите, мы вам ответим на следующем собрании, так как сегодня не подготовлены. <...> Преосвященному сказали: ты прогрессист и тебя не надо. Загасили электричество, и преосвященный и прогрессисты удрали боковой дверью под собором. В соборе были вооруженные люди, и они были начеку. У Спасителя владыка Александр служил прощальную литургию, ни слова не сказал. Поминал Высшее церковное управление, также Патриарха, протодиакон, как епископ, второй диакон – Патриарха. <...> Власти в Вологде за „Живую церковь“. <...> В Вологде кое-где поминают церковное управление, а больше по-старому. <...> Монашки отказались петь при службе Александра. <...> В Вологду приехал новый епископ Корнилий^д. 1/14 октября, 22 октября служили молебны Александр Олонецкий и Корнилий Вологодский, литургия с 9 до 2 часов. Корнилий говорил две проповеди, одну перед молебном, о любви; говорил, что сердце его наполнено любовью к его дорогой пастве, что так много святых в Вологде, что Жития святых Вологодских были его настольной книгой, и верит, что молитвы преподобных привели его к его дорогой пастве, просит уделить место ему в сердцах паствы. Пастырей просит жить в мире. Только и слышно в проповеди – моя паства и о любви к ней. <...>

Вот очередное делает заявление <...>, что вчера мы после всенощной были у епископа, спросили его, кто он, преосв[ященный] Корнилий или простой гражданин; он ответил, что если бы был простой гражданин, то звали бы его Константином, а его зовут Корнилием... Сказал, что сана не снимал, что от „Живой церкви“ из Москвы приезжал священник и заявил, что если хочешь остаться епископом, то должен снять монашество, на что <...> думал согласиться, но когда был у Антонина, то решил монашества не снимать <...>. Епископа Корнилия зовут: гражданин Попов; он будто бы уже чувствует себя непрочно в Вологде, мучают вопросами, монах или гражданин.

На прощании в соборе Александр Вологодский сказал слово краткое: „жил полтора года волею Божиею, виноват, что не дал того, что должен был дать. Прошу простить, не знаю, как пойдет моя ладья“. <...>

Было собрание „Живой церкви“ с представлениями общин и духовенства.

---

^а Настоятель Никольской Глинковской церкви протоиерей Симеон Видякин.

^б Священник Иоанн Смирнов, бывший член епархиального управления, один из руководителей вологодских обновленцев.

^с Священномученик Николай (в миру Николай Аполлониевич Караулов), епископ Вельский, викарий Вологодской епархии; память 4/17 апреля.

Епископ Корнилий говорил, что ехал в Вологду с радостью, но первые же шаги были омрачены, и он хочет сказать, что и кто он. „В семинарии привык слушаться и подчиняться воле начальства, говорил проповеди, пел, читал, был помощником в деревне, родители женили на девушке не духовного звания, уехал в Пермь, через год [и] два месяца овдовел, был миссионером в Ярославле, посвятили в монахи и не спрашивали, будешь ли пребывать в монашестве и слушать волю настоятеля, стал епископом Рыбинским, потом Сумским. <...> Приехал из Москвы со съезда „Живой церкви“ представитель в Харьков, заявил об увольнении архиепископа Харьковского и викариев, мне уполномоченный заявил, что если сниму монашество, то останусь епископом, иначе буду уволен, что все епископы-монахи увольняются, и я решил, что чисто монашеских обетов не давал, <...> но, когда приехал в Москву, узнал, что течение „Живой церкви“ приняло иной оборот, что до Собора все епископы остаются в монашеском чине <...>. Мог бы остаться в Харькове, но не могу позволить себе остаться там, где епископы насильно уволены. Здесь кафедра свободна, и я не позволю изменить ни Евангелию, ни догматам. Но что-то здесь с моим приездом случилось, и я любовно хочу побеседовать с вами, мои дорогие; где ссоры и волнения, там силы нечистые, кто желает поговорить, пусть выйдет“.

Беседа была в Крестовой церкви. Выходит отец Андрей Воскресенский^а, говорит, что больной, пришел сюда выяснить настоящее положение, которое создалось вокруг нас. „Я не реакционер, а скорее прогрессист, страдаю давно за многое, что у нас творится. Мне это, как старому служаке, виднее, с какого же времени нам стало тяжело, невыносимо. Со времени появления Высшего церковного управления. Как это случилось, ничего определенного не знаем. Нам сказали: Патриарх передал власть, но документов не показали, и в последнее время приходится часто слышать, что власть взята революционным путем. Естественно, у нас западает сомнение, что это такое. Владыка Александр успокаивал нас, говорил, что ему трудно одному управлять, что нужны помощники <...>. Встает вопрос: канонична ли наша власть? Патриарх передал дела, но не власть определенным лицам. Я считаю власть неканоничной“. Все благодарят отца Андрея, настроение возбужденное. Встает Корнилий, взволнованный. Ему кричат: „Дайте сказать еще кому-нибудь, если после каждого будете выступать, то надоест всех вас слушать“. Просит успокоиться, говорит, что власть канонична. Патриарх правил с двенадцатью членами, а не один, была и канцелярия. Он передал власть Антонину и Леониду, значит, власть есть. „А где, – кричат, – воззвание митрополита Агафангела, его скрыли, почему не передана власть Агафангелу, захватчики?“ <...> Корнилий успокаивает: „Самые темпераментные могут уйти, вы в церкви. <...> Мы не позволяем никаких новшеств. В Храме Христа Спасителя в Москве все по-старому и здесь в храмах тоже. Не будем обострять отношений, объяснимся и договоримся“. Резко отвечал отцу Андрею, хотя тот был очень корректен. Начали кричать: довольно, не желаем слушать, долой. Тяжело было смотреть на него в мантии и в глупом положении. Он растерялся. Сахаров^б подсказал закрыть собрание, закричали: „Сахаров закрыл, желаем говорить еще, боитесь за себя“. <...> Выступил лишь преосвященный Александр, который сидел все время у алтаря. Сказал, что хочет

---

^а Протоиерей Андрей Воскресенский, служил в Никольской Сенноплощадской церкви города Вологды, в прошлом член духовной консистории.

^б Священник Александр Сахаров, служил в Ильинском храме г. Вологды, член епархиального управления, впоследствии стал одним из руководителей вологодских обновленцев.

попрощаться, что считает каноничным ВЦУ и что он против объяснения отца Андрея, что Патриарх передал только дела. Ему крикнули: прогрессист, но держались корректно и три голоса пропели „Ис полла...“ <...>.

18/31 октября. Всенощную на Лукин день у Спаса служил один Корнилий. Иподиаконы отказались с ним служить. <...> На обеде у Спаса Корнилий клятвенно обещал новшества до Собора не вводить. Корнилий подошел к иподиаконам и спросил, почему с ним не служат, ответили: потому что сняли монашество, он повернулся и ушел захохотав...»

ГПУ установило за епископом Антонием наружное наблюдение, но оно не дало результатов, и 24 ноября 1922 года было принято решение произвести в квартире епископа обыск и в зависимости от результатов арестовать его. Обыск был произведен в тот же день; 27 ноября епископ Антоний был допрошен. Сотрудников ГПУ в первую очередь интересовало отношение епископа к обновленцам, на что он ответил, что до Собора ничего не может сказать, да и архангельским духовенством «было постановлено отложить до созыва Собора всякую ломку управления епархии».

Во время обыска в квартире епископа Антония была обнаружена небольшая рукопись, в которой повествовалось о церковных событиях в Вологде. Епископ объяснил, что писал он сам, а материал получал частью от дочери, а частью от приезжающих из Вологды людей, но на вопрос, от кого именно, не стал отвечать, сказав только, что за «сорок-пятьдесят лет и знакомых мне, а тем более знающих меня очень много».

29 ноября 1922 года сотрудники ГПУ приняли окончательное решение относительно епископа, так охарактеризовав его деятельность: «По прибытии в Архангельск Антония было установлено, что последний скоро завоевал симпатии <...> широких масс верующих и что на его имя поступают солидные суммы как от коллективов верующих, так и от отдельных лиц, а равно и переводятся им самим на имя Патриарха Тихона <...>.

К образовавшемуся в центре Высшему церковному управлению на смену бывшего Патриарха, по сведениям осведомителей, Антоний относится совершенно отрицательно и даже враждебно, а благодаря установленной им строжайшей дисциплине над подчиненным духовенством его пребывание управителем епархии задерживает рост обновленческого движения...»

На основании этого заключения Архангельское ГПУ постановило выслать епископа Антония «в административном порядке из пределов Архангельской губернии, как пограничной, в Марийскую область в город Краснококшайск⁵ сроком на три года под наблюдение Областного отдела ГПУ, без права возвращения в Архангельскую губернию». Его выслали в Нарымский край, где он прожил все время ссылки.

Из ссылки епископ писал хорошо знавшим его прихожанам, в частности Ольге и Екатерине Поваровым:

«Глубокоуважаемая Екатерина Ивановна!

Поздравляю Вас с днем Ангела, а вашу матушку – с родной именинницей и желаю вам всех благ земных и небесных. С благодарностью вспоминаю вас и ваши заботы о моем достоинстве. Благодарю за газеты 23-го года. Они шли не торопясь, только 9 месяцев, и пришли с самыми свежими известиями, и вся посылка пришла без вложений и приложений, а где они испарились, кому пригодились, узнать не могу. Но газеты оказались целы. Тут были и ваши вложения, спасибо за них, хотя ни вы, ни я не попользовались ими. Жизнь моя

обычная, и ее знаете от моей опекунши – секретаря, ничего в ней особенного нет, кроме болезней, сознания беспомощности своего существования и иногда уныния или забывчивости. Будем ждать лучшего. <...> Как вы живете? Времени уж много прошло, более полутора лет, можно начать и забывать меня, да, думаю, многие и забыли. И был я краткое время, и работа моя протекала в тиши, скромно, в надлежащих условиях, как лица ответственного. Конечно, не должны забывать хотя бы изъятия ценностей и помощи голодающим, за что я был и на красной доске^a. Sic transit Gloria mundi^b. Будем возлагать надежду на помощь Божию, а прочее приложится. <...>

13 февраля 1925 года.

Добрейшая и глубокочтимая
Екатерина Ивановна!

Сердечно приветствую Вас и Вашу маму Ольгу Павловну и желаю Вам в новом году всего лучшего, спокойного, здоровья, благополучия и пр. и пр. Приношу глубокую благодарность за внимание ко мне, глубокое расположение и помощь.

Спасибо Вам за поздравления с днем Ангела и за все ценные приношения. Мне совестно за них. Сами вы живете в тесных условиях и так много делаете для других, будучи крепки в вере и совершенны в любви, исполняя слова апостола 2 Коринфянам 9, 7, 8^c. С интересом и благодарностью прочитал я письмо Ваше. Так ясно и определенно, подробно. Отчасти и поворчал на Вас. Зачем метать бисер... и навлекать на себя невзгоды. Пользы при известных усилиях не будет. Живые ведут свою линию, и мертвым с ними не по пути. Все переживется. <...> Годы идут вперед, приближают к вечности. <...>

17 апреля 1925 года.

Добрейшая Екатерина Ивановна!

Воистину воскрес Господь. Пишу это письмо в Великую Пятницу после часов, так что для нас еще не наступил радостный день Светлого Воскресения, а когда придет оно к вам, близко будет ко дню Преполовления Пятидесятницы. Так велико расстояние между нами, дай Бог, чтобы близки были всегда друг к другу душами. <...> Спасибо за все пожелания. Как бы мне хотелось молиться со всеми вами, но не судил Господь. Первую Пасху правил в деревне, в дороге, две последние – здесь. Последние ли? Что-то скажет нам московское событие, и не поведет ли к чему и для здешних стран широкая грузинская амнистия. А сколько гостить на чужбине и не знают, за что и зачем они приехали. Только вера в Бога подкрепляет всех, а у неверующих вызывает озлобление. Да, время идет своим чередом, но и годы уходят, болезни не проходят, глухота, слепота усиливаются, да в 70 лет трудно и ждать хорошего. <...> Память почти совсем оставляет, и не знаешь, о чем молиться, чтобы Господь не отнял все за раз. Весна и здесь хороша, а третьего года была как на юге. Становится как-то не легче, а тяжелее на душе. Как все пойдет, и к чему придем. Пророчеству публики не верю. Три года одно и то же. То же и здесь и весну, и лето. Одинаково все и везде настроенье. Архангельцы побаловались. Имели четырех-трех за раз епископов, а теперь и заскучали, чужих решили призывать. Это у нас не принято, не в порядке и

---

^a То есть на Доске почета.

^b Так проходит мирская слава (*лат.*).

^c «Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог. Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» (2 Кор. 9, 7–8).

неканонично, надо было постараться своего достать или уже попоститься, раз временно овдовели, и помолиться, да прекратит Господь эту напасть. <...> Радуюсь за владыку Иннокентия^а. И больной, и слабый, и хороший, добрый человек <...>. Нужно бы побережь его и пока избавить от приглашений. Печора просит себе архипастыря, но не пойдет он туда. <...>

Как же Вы довели себя, что ходите в легкой одежде, простудитесь, захвораете, кто же будет ходить за вами с мамой? Берегите себя. Прежде позаботьтесь о своем скромном житии, а потом и обо мне, а то у вас наоборот. <...> И Господь велит заботиться и о себе, о том же говорит и 6-я заповедь Закона^б...»

По окончании срока ссылки в начале 1926 года епископ Антоний вернулся к исполнению архипастырских обязанностей в Архангельск. В том же году на Архангельскую кафедру был направлен рукоположенный обновленцами во епископа пермский священник Михаил Трубин, человек циничный и беспринципный. Будучи священником, он вступил в 1917 году в Красную армию и стал членом ВКП(б), за что едва не принял смерть от колчаковцев. После установления власти большевиков и возникновения обновленчества он сразу же стал во главе обновленцев в Пермской губернии. Дерзко захватывая при помощи гражданских властей храмы, ведя открыто аморальный образ жизни, он вызывал отвращение даже у сторонников обновленцев. Он не скрывал, что сотрудничает с ОГПУ. В Архангельске он захватил Троицкий собор и многие храмы, и перед вернувшимся из ссылки епископом Антонием встала первоочередная задача – освободить храмы от обновленцев. В это же время благодаря содействию прихожан, в частности матери и дочери Ольги и Екатерины Поваровых, а также своей дочери Марии Нуромской владыка стал оказывать широкую помощь находящемуся в ссылке в Архангельской области духовенству.

13 августа 1926 года Архангельское ОГПУ получило из Киевского окружного отдела ОГПУ письмо Ольги Поваровой, написанное ею архиепископу Уманскому Димитрию (Вербицкому), которое ОГПУ, перлюстрировавшее корреспонденцию, сочло контрреволюционным; после допроса архиепископа Димитрия письмо с протоколом допроса было направлено в Архангельск. 19 августа в квартире Поваровых был произведен обыск; Екатерина Поварова была арестована, а у ее матери, Ольги Павловны, имевшей преклонный возраст – семьдесят лет, – была взята подписка о невыезде из Архангельска.

Сотрудники ОГПУ, вызвав на допрос Ольгу Павловну, в особенности интересовались тем, почему она написала в письме, что «епископ Михаил [Трубин] свой человек в ОГПУ и там и кутит» и что «церковное имущество продается с аукциона, и это ведь не архиерей, а чекист, имеющий право повелевать в ОГПУ, и их связывает мошенничество». На это Ольга Павловна ответила, что слышала это от других, но от кого, не помнит; также слышала и то, что Михаил Трубин «везде и повсюду хвастает, что он имеет какое-то отношение к ОГПУ».

Обнаруженная при обыске у Поваровых переписка, в которой повествование об абсолютно частных событиях чередовалось с рассказами о церковной жизни, а в особенности упоминания о фактах оказания помощи архангельским духовенством и мирянами ссыльным, находившимся в

---

^а Иннокентий (Тихонов), епископ Ладожский, викарий Петроградской епархии. В 1922 г. был арестован и сослан в Архангельскую область в село Усть-Цильма на р. Печоре.

^б Не убивай (Исх. 20, 13; Втор. 5, 17).

Архангельской области, оказались достаточными для заведения уголовных дел.

30 сентября 1926 года начальник 1-го отделения секретно-оперативной части Архангельского губернского отдела ОГПУ Бельшев⁶, через двадцать лет ставший первым заместителем председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Карпова⁷, распорядился провести обыски у двадцати человек и, в частности, у епископа Антония, и некоторых из них арестовать, написав: «в целях подтверждения их антисоветской деятельности, на предмет изъятия имеющейся у них переписки контрреволюционного характера <...>, у всех <...> произвести обыски и в зависимости от таковых аресты...»; причем некоторых из них, «на каких имеется вполне достаточный материал, изобличающий их в антисоветской деятельности, независимо от результатов обыска арестовать и доставить в камеру...»

Для обоснования ареста епископа Антония материалов не обнаружилось, не было у него найдено во время обыска и переписки – имея уже опыт ареста и ссылки, он всю получаемую корреспонденцию после ответов сжигал.

На допрос была вызвана Екатерина Поварова, которая настояла на том, чтобы ей было разрешено собственноручно писать показания. «Я дочь учителя уездного <...> училища, – писала она. – Отец мой умер рано, двадцати семи лет, от разрыва сердца, оставив мою мать с двумя маленькими детьми (двух и четырех лет) на руках, без всяких средств к жизни и нервно потрясенную его смертью. Поднимала нас она своим трудом (портниха), но так как она была очень хворая, то и зарабатывать много не могла, и мы страшно нуждались. Несколько раз ее в страшной нервной увозили в больницу, безнадежно больную, а нас люди в ее отсутствие однажды даже поместили в приют, где мы обе с сестрой <...> заболели, и мама по возвращении из больницы взяла нас обратно.

Жизнь вообще была ужасно тяжелая, и временами, пока мы учились с сестрой, нередко приходилось дня по два, по три сидеть буквально без всякой пищи и без куска хлеба, в особенности в последние годы перед окончанием курса, так как расходы были большие, нужны были и книги <...>, и думали даже, что до конца ученья и не дотянуть, а сестре так и не пришлось доучиться.

Училась я в Вологде сначала в Успенском приходском училище, а потом в Вологодском епархиальном женском училище, где и окончила курс в 1900 году. Сразу же по окончании курса я поехала учительницей в Яренский уезд, в [деревню] Удору, к зырянам, где учительствовала два года, а потом перебралась служить в Архангельскую губернию, так как мать моя и сестра переехали на жительство в Архангельск.

Учительствовала я в Архангельском, Мезенском и Шенкурском уездах Архангельской губернии, пока не заболела туберкулезом легких и заниматься была не в силах. Пришлось уйти со службы, несмотря на то, что не было решительно никаких средств к жизни и на руках больная мать, которая не могла уже работать <...>. Но мало-помалу легкие мои зарубцевались, и я поступила на службу в губернскую типографию корректором, где и служила семнадцать лет до времени ареста.

Политикой я никогда не занималась, так как домашний круг мой был далек от политики <...>. Партий никаких я никогда не признавала и не признаю, так как, по моему мнению, ни одна партия во всем не может быть права или во всем виновата, каждая имеет свои достоинства и свои недостатки, а идти слепо или из солидарности, только потому, что, мол, то моя партия, подчас вразрез с моим личным убеждением в неправильности того или иного шага, не могу и не хочу, а

потому и остаюсь беспартийной. <...>

Я <...> и моя мать, Ольга Павловна Поварова, считали своим долгом оказывать материальную поддержку административно высланному и заключенному духовенству, оказывая таковую сначала из своих собственных средств, но когда помощь понадобилась шире, стали делать на эту цель сборы, производя это единолично...»

Вызванный на допрос епископ Антоний на вопрос, знает ли он Поваровых, ответил, что знает и Ольгу Павловну, и дочь ее. На вопрос, принимал ли он участие в помощи административно высланным епископам, находящимся в селе Ижма, а также заключенным на Соловках, епископ ответил, что такую помощь он оказывал через Екатерину Ивановну. Виновным в предъявленных ему обвинениях епископ себя не признал.

11 ноября 1926 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором говорилось, что обвиняемые распространяли среди верующих сведения «о содружестве обновленцев с властью, в частности с ОГПУ, дабы тем самым подготовить мнение верующих о том, что содружество обновленцев с безбожной властью для Церкви ничего полезного дать не может, <...> характерными моментами деятельности этой группы является <...>: распространение слухов <...> о том, что начальника губотдела ОГПУ товарища Гордона видели в пивной вместе с обновленческим епископом Михаилом, <...>, что начальник губотдела ОГПУ товарищ Гордон в кафедральном соборе читал лекцию против религии, <...>, что начальник СОЧ Архангельского губотдела ОГПУ товарищ Каплан взял взятку с обновленцев за укрытие их спекулятивной деятельности, <...>, что епископ Михаил работает в ОГПУ и т.д.» *(Некоторые подробности об этом деле изложены в письме внука епископа Антония, Николая Нуромского, адресованном Е.П. Пешковой⁸).*

Распространяемые обвиняемым сведения о том, что « всю работу по расколу Церкви ведет в Москве ОГПУ, что тов[арищ] Тучков вербовал митрополита Агафангела, после чего он выпустил воззвание о вступлении в управление вместо митрополита Петра, что Тучков создал всю историю с ВВЦС», были сочтены сотрудниками ОГПУ провокационными.

ОГПУ, описывая деятельность православных Архангельска, делало это таким образом, как будто оно представляло оккупационную власть, которая рассматривает жизнь людей и их частную переписку как деятельность заговорщиков, приговоренных заочно. Белыйшев с подручными, стремясь представить эти простые и естественные человеческие взаимоотношения и столь же естественную помощь людей друг другу как антисоветский заговор, писали об их переписке, что «это составление, размножение и распространение всевозможных провокационных сведений носило характер нелегальной газеты антисоветского направления, существование которой было крайне необходимо для определенной группы лиц, связанных общностью своих интересов и абсолютно не верящих современной советской прессе. Помимо оказания моральной поддержки ссыльному и заключенному духовенству и церковникам путем снабжения их своей провокационной информацией, Поваровы еще оказывали им и материальную поддержку; собирая среди духовенства и верующих материальные средства, они регулярно рассылали ссыльным и заключенным. На этот счет у них было организовано вроде „Красного Креста“. Полнейший учет велся ссыльного и заключенного духовенства и церковников, и на этот счет велись списки, которые и изъяты при обыске».

15 ноября 1926 года прокуратура дала заключение по делу: «Принимая во внимание, что рассмотрение данного дела в судебном порядке может расконспирировать работу органов ОГПУ [то есть секретных осведомителей], с одной стороны, и что невозможно добыть обвиняющие данные судебным органам для части обвиняемых, с другой, дело на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1924 года по обвинению указанных лиц направить через Архангельский ГО ОГПУ в Особое совещание при Коллегии ОГПУ на рассмотрение».

4 февраля 1927 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило девять обвиняемых, включая Ольгу и Екатерину Поваровых, к трем годам ссылки в Архангельскую область, в которой они фактически уже находились, двоих обвиняемых, в частности дочь епископа Марию Нуромскую, к пяти месяцам заключения, которые они уже отбыли, находясь под следствием, а относительно двоих, включая епископа Антония, дело было прекращено.

В 1929 году в стране началась кампания по закрытию и разрушению храмов, и в Архангельске было разрушено тогда большинство церквей.

«Церковь Рождества Христова, в которой обычно служит епископ Антоний, пока не закрыта, но судьба ее уже решена <...>, – писал современник тех событий. – В сочельник вечером в городе была инсценирована антирелигиозная демонстрация. Все фабричные рабочие были обязаны принять в ней участие. Людская толпа медленно выступает из тумана. Во главе ее под громкие выкрики марширует колонна коммунистической молодежи с горящими факелами. Часть ее собирается перед домом, в котором живет епископ. <...> Он скоро выходит, одетый в темную рясу, с монашеской скуфьей на голове, видна только его белая борода. Он садится в сани, которые ждали его на улице. Юные коммунисты вдруг зажигают свои факелы и с громким криком окружают сани. Лошадь пугается, дергается и опрокидывает сани. <...> Епископ молча тяжело поднимается с земли и неверными шагами идет по тротуару. Его сопровождают насмешки и комья снега. Он идет в церковь, как будто ничего не слыша и не видя. Коммунистическая молодежь заполняет церковный двор до ворот. Из церкви глухо доносится пение. Чтобы заглушить его, юные коммунисты поют похабные песни и громко кричат: „Религия есть средство угнетения трудящихся!.. Долой попов!.. Мы требуем закрытия церквей!“ Некоторые из них выходят из колонны и с шапками на головах врываются в церковь, где начинают громко свистеть. На них не обращают внимания, как будто их тут нет, и постепенно они исчезают один за другим».

В 1929 году советской властью были изменены названия и административные границы многих российских областей, и владыка Антоний Заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием был назначен правящим архиереем Северного края и возведен в сан архиепископа. В границы края вошли территории, где уже были свои, назначенные сюда ранее архиереи; архиепископ не стал вмешиваться в их деятельность, поскольку митрополит Сергей оставил их на тех же местах, не дав никаких дополнительных распоряжений.

4 декабря 1930 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, после праздничного богослужения в Воскресенской церкви в церковной строжке был устроен скромный обед, в котором приняло участие находившееся в Архангельске ссыльное духовенство, а также местное духовенство во главе с архиепископом Антонием. Это общее участие в богослужении и скромной трапезе послужило впоследствии поводом для ареста ссыльного и местного духовенства,

которое было обвинено в оказании помощи ссыльным – предоставлении жилья и материальной поддержке.

Последнюю службу владыка отслужил в 1931 году на Богоявление. Церковная паперть в этот день представляла собой небывалое зрелище – на ней выстроился длинный ряд людей в старых потрепанных скуфейках, протягивавших к прихожанам руки за милостыней. Это были священники и монахи, сосланные сюда из разных концов России и оставшиеся здесь без средств к существованию. Совершал богослужение архиепископ Антоний в сослужении нескольких священников. За службой ему с горечью пришлось объявить, что обычный, ежегодный крестный ход на иордань не состоится, так как советская власть не разрешила освящение воды на реке.

Вскоре после этого, 23 января 1931 года, архиепископ Антоний был арестован. Во время обыска, продолжавшегося едва ли не всю ночь, ничего не нашли, так как владыка давно уже не хранил никакой переписки. В конце обыска один из сотрудников ОГПУ взял дароносицу со Святыми Дарами и стал ее переворачивать и трясти, и архиепископ строго заметил ему, что Церковь запрещает мирянам прикасаться к Святым Дарам. Тот засмеялся, выбросил Святые Дары на пол и стал топтать их ногами. Архиепископ Антоний бросился на пол, закрывая их своим телом, и в тот же миг потерял сознание. Только после того, как он пришел в себя, его смогли отвезти в тюрьму, где от него потребовали, чтобы он снял крест и панагию.

– Я слугитель Божий, – сказал в ответ архиепископ, – и не смею снимать с себя крест!

– Если вы не смеете, – заявили ему, – то мы это сделаем сами.

И с архиепископа сорвали крест.

Камера, куда был помещен архипастырь, была очень маленькой, и заключено туда было семь человек, в основном уголовники, а коек на всех было три. Один из уголовников хотел было продать койку архиепископу, но узнав, что у него ничего нет, разрешил пользоваться даром. Тюремная трапеза состояла в основном из селедки, вода была в ограниченном количестве.

Всего по делу было арестовано четыре архиерея, шесть священнослужителей, шесть монахов, в числе которых был и оптинский монах Агапит (Таубе)^а, и пять мирян.

Давшие показания против владыки свидетели заявили, что архиепископ Антоний «является покровителем и организатором помощи административно высланному духовенству и церковникам, находящимся в ссылке в Северном крае <...>. С разрешения архиепископа Антония в Воскресенской церкви был организован хор <...>, в который вошло очень много ссыльного духовенства <...>. Многие из ссыльного духовенства приходили к архиепископу Антонию за помощью как в материальном отношении, так и в квартирном <...>, которым он всегда помогал лично и через других <...>», что архиепископ Антоний говорил, что жить стало людям скверно, масса неприятностей, из уездов все нерадостные вести доходят, жить духовенству не дают. «Епископа Феодосия^б и архимандрита Иринея милиция выгнала из дома – живи хоть на улице, а пожаловаться некому. На юге усилились аресты интеллигенции и духовенства. Масса высылается в Сибирь и другие места. И у нас в Архангельске в ОГПУ составляют списки

---

^а Преподобноисповедник Агапит (в миру Михаил Михайлович Таубе); память 5/18 июля.

^б Священноисповедник Феодосий (в миру Иван Федорович Ганицкий), епископ Коломенский, викарий Московской епархии; память 20 апреля / 3 мая.

ссылных для пересылки их в Сибирь отсюда».

Первый допрос состоялся 8 февраля 1931 года. Архиепископа Антония обвиняли в политических беседах во время праздничной трапезы, состоявшейся в сторожке Воскресенской церкви после богослужения на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, а также в сборе пожертвований и оказании помощи ссыльному духовенству. Архиепископ отвечал на вопросы уклончиво, сказав только, что действительно знаком с епископами Тихоном (Шараповым), Аверкием (Кедровым), Иннокентием (Тихоновым), архимандритом Иринеем (Дягилевым), монахом Агапитом (Таубе), однако знакомство это имело чисто религиозный характер.

В следующий раз архиепископ был вызван на допрос 30 мая. Следовательно на этот раз интересовался административной деятельностью епархии. Отвечая на его вопросы, архиепископ Антоний сказал: «По своей епархии мое руководство было более в письменной форме, так как сам я никуда не выезжал. С периферии благочинные ближних районов приезжали сами с докладами, а из дальних почти не бывали <...>, много производилось посвящений и назначений духовенства, отдачи распоряжений по приходам <...>. Установку давал, согласуясь с канонами Церкви и распоряжениями советского правительства <...>. Положение религии и духовенства при советской власти ухудшилось материально и морально, власть стремится через существующих безбожников ликвидировать в массе религиозные убеждения. Мой взгляд на это тот, что я должен подчиняться всем распоряжениям власти, не вмешиваться в действия ее <...>. При моем управлении Церковь стояла в стороне от всяких политических вопросов. По правилам Церкви половина доходов от сумм шла на помощь семье священника, по каким-либо причинам не служившего, как-то: нахождение под арестом, в ссылке и другим обстоятельствам, до момента распоряжения советского правительства о запрещении помощи, что мною было оповещено по епархии. Но после этого до момента моего ареста духовенство из своих сумм делало отчисления для помощи духовенству, находящемуся в ссылке. Я об этом знал, но не вмешивался в их денежные дела, а поэтому не знаю, в какой сумме выражалась помощь <...>. Кто инициатор этих отчислений, я не знаю».

В третий раз архиепископ Антоний был вызван на допрос 8 июня 1931 года. Угрожая расправой, следователь потребовал от архиепископа, чтобы тот признал себя виновным, а затем с усмешкой сказал: «Ваше Высокопреосвященство будет сидеть здесь до тех пор, пока не признает себя виновным». Архиепископу Антонию было предложено стать секретным сотрудником ОГПУ, обещана в случае согласия полная свобода и возможность вернуться к управлению епархией. Владыка с возмущением отверг предложение. Допрос был продолжен, и следователь поинтересовался его позицией относительно взаимоотношений советской власти и Церкви.

Архиепископ Антоний сказал: «Я сторонник того, кого признает власть и епископы как правящего Православной Церковью <...>. Издавая декларацию об отсутствии гонения на религию в Советском Союзе и указ о поминовании властей, митрополит Сергей был прав с точки зрения советского законодательства, так как, находясь в пределах данного государства, мы должны подчиняться всем законам. Митрополита Сергея признаю как законного главу, поставленного в управление Православной Церкви, подчинялся [ему] в таких же рамках, как Патриарху Тихону и Местоблюстителю Петру Крутицкому. На обновленческую церковь смотрю как на раскольников, отступивших от Православной Церкви на ложный путь и

нарушивших каноны. На вопросы об обновленцах со стороны обращающихся ко мне верующих я мог разъяснить только в духе того, что они своим отступлением не смогут быть в единении с нами и их течение раскольническое, вставшее на ложный путь. Точно кому и когда я разъяснял [это], не помню. В мое управление входило до трехсот приходов; каких, перечислить на память не смогу».

После допроса владыку перевели в другой, только что отстроенный, с сырыми еще стенами корпус тюрьмы, что значительно ухудшило его физическое состояние. В маленькую камеру вместе с ним поместили пятерых крестьян из Украины, арестованных за попытку побега из ссылки. В сыром помещении стояла страшная духота. Заключенных почти не кормили, два раза в день давали по стакану воды, и они настолько ослабели, что уже не имели сил разговаривать. Молча часами они сидели, прислонившись к стене. Их одежда превратилась в лохмотья и кишела вшами. Началась цинга, и у заключенных стали выпадать зубы.

Архиепископ Антоний скончался 16 июля 1931 года. Известие о его кончине быстро распространилось по городу, но в выдаче тела, несмотря на просьбы верующих, сотрудники ОГПУ отказали. Прихожане стали тогда дежурить у тюремных ворот и однажды увидели, как из тюрьмы вывезли тело архиепископа; он был погребен без гроба на одном из кладбищ Архангельска.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»
Тверь. 2016. С. 17–48

Примечания

---

¹ Ныне деревня Ньюба Котласского района Архангельской области.

² Ныне село Степурино Грязовецкого района Вологодской области.

³ Александр (в миру Александр Петрович Надеждин), епископ Вологодский. Родился в 1857 г. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1897 г. – настоятель кафедрального собора в Петрозаводске. В 1908–1912 гг. – ректор Тверской духовной семинарии. С 1912 г. член Государственного Совета от белого духовенства по выборам. Член Учебного комитета при Святейшем Синоде. В 1917 г. овдовел, пострижен в монашество. С 1919 по 1921 г. – епископ Кашинский, викарий Тверской епархии.

С 1921 г. – епископ Вологодский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1922 г. управлял Тверской епархией, с 1923 г. – Олонецкой епархией. На уездном съезде паства от него отказалась. Был участником обновленческого «2-го Всероссийского Поместного Священного Собора» 1923 г., на котором подписал постановление о лишении сана и монашества Патриарха Тихона. В 1925 г. обновленцами возведен в сан архиепископа, в 1927 г. – в сан митрополита. С 1926 по 1931 г. управлял Карельской епархией. Скончался в 1931 г.

⁴ Корнилий (в миру Константин Константинович Попов), впоследствии митрополит Горьковский и Арзамасский. Родился в 1874 г. в селе Никольском Грязовецкого уезда Вологодской губернии. С 1894 по 1896 г. был псаломщиком в Вологодской епархии, а затем по 1906 г. священником в приходах Пермской епархии. В 1897 г. овдовел. В 1909 г. пострижен в монашество с именем Корнилий. В 1913 г. возведен в сан архимандрита. В 1915 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1921 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и назначен епископом Вологодским. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. С 1926 г. – митрополит Воронежский и всяя Центральной Черноземной области. Член обновленческого Священного Синода. В 1935 г. арестован, приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Освобожден в 1940 г. В 1942 г. назначен митрополитом Воронежским и Задонским. После упразднения обновленцев в 1943 г. принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа и назначен епископом Сумским. В феврале 1945 г. возведен в сан архиепископа. С 1948 г. – архиепископ Горьковский и Арзамасский. В 1955 г.

возведен в сан митрополита. Скончался в 1966 г.

⁵ Ныне город Йошкар-Ола.

⁶ Бельшев Сергей Константинович, 1900 г.р. С 1919 г. – член большевистской партии и с того же года комиссар Вологодского военкомата и секретарь районного комитета партии Вологодского уезда. С 1920 г. – следователь ГПУ; за пять последующих лет Бельшев проделал путь от рядового следователя до заместителя начальника Вологодского губернского отдела ОГПУ. Он был заместителем и начальником отделов ОГПУ во времена жестоких репрессий с 1925 по 1929 г. в Архангельской, Ленинградской и Северной областях, сплошь опутанных тогда проволокой концлагерей. С 1930 по 1933 г. Бельшев – начальник уже столичного Замоскворецкого районного отдела НКВД; во время самых беспощадных и кровавых репрессий с 1936 по 1938 г. – начальник Свердловского районного отдела НКВД в Москве, отправивший множество людей на казнь и в братские могилы Бутовского полигона. За свою успешную кровавую деятельность награжден в 1937 г. значком чекиста. С 1945 по 1958 г. – заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР, учреждения, которое преследовало исключительно цели, поставленные перед ним НКГБ СССР.

⁷ Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), генерал-майор. В 1915–1918 гг. – слесарь электромеханического завода Кронштадтского военного порта; 1918–1922 гг. – судовой машинист транспорта «Аргуль» Балтийского военно-морского флота, комиссар штаба минной дивизии в городах Кронштадте и Петрограде; 1922 г. – парторг, машинист канонерской лодки; 1922–1928 гг. – уполномоченный, заместитель начальника особого отдела XI дивизии Ленинградского военного округа; 1928–1931 гг. – помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный контрразведывательного отдела Полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа; 1931–1934 гг. – помощник начальника отделения, начальник отделения контрразведывательного отдела Полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа. В 1934–1936 гг. – заместитель начальника УНКВД Карельской АССР, где были в то время концлагеря с десятками тысяч людей, тысячи из которых погибли от непосильной работы, голода и побоев; 1936–1938 гг. – помощник начальника, заместитель начальника, начальник 4-го (секретно-политического) отдела УНКВД Ленинградской обл. В период массовых арестов и казней – 1938–1938 гг. – начальник Псковского окружного отдела УНКВД Ленинградской области; 1939–1941 гг. – заместитель начальника 8-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД СССР, заместитель начальника 2-го отдела 3-го Управления (секретно-политического) НКГБ СССР, начальник 4-го отдела 3-го Управления НКВД СССР. В 1943–1946 гг. – начальник 5-го отдела 2-го Управления МГБ СССР; с 1946 г. – начальник отдела «О» МГБ СССР. Отдел, который он возглавлял, занимался, в частности, оперативной работой по духовенству, или, как тогда это называлось, контрразведкой по Русской Православной Церкви, иначе говоря, слежкой и вербовкой осведомителей, деятельностью, направленной на разложение кадрового состава Русской Православной Церкви, а также использованием его в качестве прямых агентов и их прикрытия за рубежом. Для достижения этих целей Карпов в 1943 г. был назначен Сталиным на должность председателя Совета по делам Русской Православной Церкви. В 1955 г. Карпов был уволен с должности начальника отдела «О» МГБ СССР в связи с привлечением его к уголовной ответственности за преступления, совершенные им в 1930-х гг. на территориях Псковской, Ленинградской областей и Карелии; дело, однако, было закрыто. В 1959 г. за те же преступления над ним нависла угроза исключения его из Коммунистической партии – однако и на этот раз это осталось всего лишь угрозой. В 1960 г. Карпов был уволен с должности председателя Совета по делам Русской Православной Церкви и отправлен на пенсию (*РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 14650. Л. 20.*).

⁸ «Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

Помощь политическим заключенным

Москва, Кузнецкий Мост, 16.

К Вам обращается Николай Нуромский, 13 лет, житель города Вологды, с просьбой походатайствовать о моей матери, Марии Николаевне Нуромской, сидящей в Архангельске в Исправдоме, и о деде епископе Антонии (Быстрове), проживающем в Архангельске и обязанном подпиской о невыезде впредь до разрешения в административном порядке их дела, производящегося при Архангельском Губернском Отделе ОГПУ и направленного в административном порядке в Москву на утверждение приговора.

Дело это таково.

29 июня 1926 года в № 146 газеты „Правда“ появился фельетон Михаила Кольцова под названием „Дух промышленности“, обличающий Архангельского обновленческого архиепископа (*Так в тексте.*) Михаила ТРУБИНА в мошенничестве с контрабандой. После этого во взаимных

пререканиях приверженцев „тихоновской“ и „живой“ церквей в городе Архангельске начали циркулировать слухи, будто бы обновленцам за контрабанду ничего не будет, так как третью часть вырученной от продажи суммы они передали заместителю нач[альника] Архгуботдела ОГПУ Каплану. Этот слух поддерживался тем, что, действительно, по фельетону М. Кольцова никакого преследования обновленческого архиерея не было, а сам слух откуда начался, неизвестно.

Видя, что Михаила ТРУБИНА за контрабанду не преследуют, некий житель г. Архангельска Аруев, служащий в Рудметалторге, обратился с анонимными письмами во ВЦИК, в Комиссариаты Юстиции, Внутренних Дел, Рабоче-Крестьянской Инспекции, а также в Архангельский Губисполком, Прокуратуру и РКИ, в каковых письмах он обращал внимание на то, что

обновленческого епископа за контрабанду не преследуют и что по Архангельску ходят слухи, что третью часть прибыли от контрабанды епископа получил Каплан из ОГПУ. Эти письма были препровождены для дознания в Архгуботдел ОГПУ и послужили основанием для дознания об их авторе.

Губотделу ОГПУ удалось дознать, что автором является Аруев, и были арестованы он, Аруев, и Пец, владелец пишущей машинки, на которой печатались письма Аруева властям. При допросе Аруев показал, что он слышал про Каплана от священника А. Нечаева, а тому это рассказал обновленческий священник Чирков. Допрошенный Нечаев этой ссылки не подтвердил (а Чирков, если не ошибаюсь, и вовсе не допрашивался и не вызывался). Когда это было предъявлено Аруеву, то он дал новое показание, что он слышал про епископа Михаила Трубина и про Каплана от моей матери, Марии Николаевны Нуромской. Она летом приезжала в Архангельск к своему отцу, епископу Антонию, на 2 недели и потом выехала в Вологду, кажется, через день или два, вообще вскоре после выхода фельетона М. Кольцова.

В этом заключается все преступление М.Н. Нуромской. Оно формулировано по 179 ст[атье] УК, но почему-то этому чисто уголовному обвинению придан вид и ход контрреволюционного дела, и, несмотря на предъявление ей только этой статьи, она содержится в Архангельске в Исправдоме, ей объявлено, что дело направлено в центр в административном порядке и что ей грозит административная высылка. При этом, хотя моя мама и больная женщина, но ей более месяца отказывают в медицинской помощи.

Таково дело моей матери М. Н. Нуромской. Оно возникло исключительно на почве вражды [между] „тихоновской“ и „обновленческой“ церквями. Начато оно и строго ведется, разумеется, потому, что в исходе его заинтересован заместитель нач[альника] Архгуботдела ОГПУ тов[ариш] Каплан, сам участвовавший в допросах М.Н. Нуромской и других лиц. Ничего похожего на контрреволюцию в этом деле не имеется, и если даже моя мама, может быть, и говорила в частной беседе с Аруевым, что часть денег от контрабанды получил Каплан, то об этом говорил весь Архангельск, изумлявшийся тому, что контрабандисты остаются безнаказанными, и искавший объяснений для этого непонятного явления.

Одновременно с этим дознанием в Архангельске было начато другое. Некая Поварова, древняя старушка, с дочерью подверглись обыску, при котором у них нашли переписку с Москвой и другими городами на церковные темы, и в том числе послание из Архангельска от группы верующих и духовенства к митрополиту Крутицкому Петру, содержащее протест против заявления или выражения митрополита, что Дух Святой может действовать через Советскую Власть. Это послание или черновик послания был подписан одним только бывшим преподавателем Архангельской семинарии Вл[адимиром] Ив[ановичем] Поповым. Этот документ дал основание для дознания о существовании в Архангельске контрреволюционной группы, ставящей целью помощь международной буржуазии (61-я ст[атья] Угол[овного] Кодекса). К этому делу привлечены городские священники Мих[аил] Попов (брат В.И. Попова), З. Калашников, благочинный архангельских церквей К. Орлов, благочинный Иоанн Серебрянников, свящ[енник] Александр Иванов, Поварова и мирянка Минаева. Вслед за тем предъявлено обвинение и моему деду, епископу Архангельскому и Холмогорскому Антонию, сущность обвинения которого сформулирована так, что, будучи главою местного духовенства епархии, он является его руководителем, а следовательно, он и не мог не знать о существовании „группы духовенства и мирян“, если бы таковая существовала, и о ее контрреволюционных замыслах. Между тем, послание от „группы“ было составлено в Архангельске, как видно из дознания, в то время, когда епископ Антоний находился в Нарымском крае в ссылке (в 1925 году), а в Архангельск явился в 1926 году. Несмотря на это, обвинение предъявлено по 61-й и 73-й ст[атьям] Угол[овного] Код[екса].

Мой дед – старик очень преклонных (70) лет, больной и только недавно отбывший 3-летнюю административную высылку в Нарымском крае, откуда он беспрепятственно вернулся в Архангельск к месту прежнего жительства и служения. Политикой он не занимается, и власти, в

том числе и представители ОГПУ, относились к нему хорошо, пока не разразилась эта история с фельетоном о епископе Михаиле Трубине. Теперь все эти дела соединены в одно дознание: одним предъявлено обвинение по 61-й, другим по 73-й, третьим по 179-й ст[атьям] Уг[оловного] Код[екса], но все идет как контрреволюционное дело и направляется на разрешение в центр.

Излагая вышеизложенное, я очень прошу Вас похлопотать по этому делу, открыть глаза центра на то, что в деле в отношении моей матери М.Н. Нуромской нет решительно ничего контрреволюционного, а по отношению к моему деду, епископу Антонию (Быстрову), нет никаких данных припутывать его к „группе“. Мой адрес: город Вологда, ул. Герцена, д. № 3. Я ученик 2-й ступени сов[етской] школы Николай Нуромский.

Н. Нуромский.

21/X1-1925 г.» (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 121. Л. 244–245.)